

ЭНТОНИ ТРОЛЛОП

БАРЧЕСТЕРСКИЕ БАШНИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Т71

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского *И. Гуровой*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Троллоп, Энтони.
Т71 Барчестерские башни: [роман] / Энтони Троллоп; [перевод с английского И. Гуровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 608 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-158236-4

В провинциальном Барчестере, где центром общественной жизни издавна является кафедральный собор, кипят нешуточные страсти. Преемником скончавшегося недавно всеобщего любимца епископа назначен не его сын архидьякон Грантли, а чужак — доктор Прауди, чья чрезмерно энергичная супруга имеет привычку совать нос в дела и своего мужа, и соборного клира. Дополнительную сумятицу вносит внезапное возвращение из Италии доктора Стэнхуопа и его дочерей-красавиц и сына-повесы...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-158236-4

© Перевод. И. Гурова, наследники,
2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава I

КТО БУДЕТ НОВЫМ ЕПИСКОПОМ?

В конце июля 185* года всех жителей кафедрального города Барчестера в течение десяти дней занимал только один вопрос, на который ежечасно давались различные ответы: кто будет новым епископом?

Кончина старого епископа, преосвященного Грантли, который в течение многих лет кротко правил епархией, совпала с тем моментом, когда кабинет лорда N должен был уступить место кабинету лорда NN. Последняя болезнь доброго старика была очень долгой, и под конец всех заинтересованных лиц заботило только одно: какое правительство будет назначать нового епископа — консервативное или либеральное.

Было известно, что уходящий в отставку премьер-министр сделал свой выбор, и если решать придется ему, митра украсит главу архидьякона Грантли, сына прежнего епископа. Архидьякон давно уже управлял епархией, и последние месяцы ходили упорные слухи, что именно он будет преемником своего отца.

Епископ Грантли умирал, как жил, мирно, неторопливо, без страданий и тревог. Дух покидал его тело так незаметно, что в течение последнего месяца не всегда можно было сразу решить, жив он или уже умер.

Это было тяжкое время для архидьякона Грантли, которого те, кто раздавал тогда епископские троны,

4   предназначали в епископы Барчестерской епархии. Я вовсе не хочу сказать, будто премьер-министр дал архидьякону прямое обещание. Для этого он был слишком осторожен. На все есть своя манера, и те, кто знаком с правительственными учреждениями — и самыми высокими, и не самыми, — знают, что существуют безмолвные обещания и что кандидат может быть весьма обнадёжен, хотя великий человек, от которого зависит его судьба, уронит только: «Мистер имярек далеко пойдёт».

Вот почему люди осведомленные не сомневались, что бразды правления Барчестерской епархии останутся в руках архидьякона. Тогдашний премьер-министр был в отличнейших отношениях с Оксфордом и недавно гостил у декана одного из самых почтенных и богатых его колледжей — колледжа Лазаря. Декан же был близким другом и архидьякона, всегда полагавшегося на его советы, и не преминул пригласить и его. Премьер-министр обошелся с доктором Грантли чрезвычайно любезно. На следующее утро доктор Гвинн, декан, сказал архидьякону, что, по его мнению, все решено.

Епископ в то время был уже при последнем издыхании, но шатался и кабинет. Полный счастливой уверенности, доктор Грантли, как требовал сыновний долг, возвратился во дворец к умирающему отцу, за которым, надо отдать ему справедливость, он ухаживал с заботливой нежностью.

Месяц спустя врачи объявили, что больной проживет никак не более четырех недель. По истечении этого срока они с удивлением дали больному еще две недели. Старик жил только на одном вине, но и через две недели все еще жил, а слухи о падении кабинета становились все настойчивее. Сэр Лямбда Мюню и сэр Омикрон Пи, два лондонских светила, приехали в пятый раз и, покачивая учеными голова-

ми, объявили, что смерть последует не позже чем через неделю, а потом в парадной столовой дворца конфиденциально сообщили архидьякону, что кабинет не продержится и пяти дней. Сын вернулся к отцу, собственноручно дал ему подкрепляющую ложечку мадеры, сел у его изголовья и начал взвешивать свои шансы.

Министерство падет не позже чем через пять дней, его отец умрет... нет, так рассуждать он не мог! Министерство падет, а епархия станет вакантной примерно в одно время. Однако новый кабинет будет сформирован не раньше чем через неделю. Быть может, в течение этой недели назначения будет производить прежний кабинет? Доктор Грантли не был уверен и подивился своему невежеству в подобных вопросах.

Он старался отогнать от себя эти мысли — и не мог. Слишком уж равны были шансы за и против и слишком высока ставка. Он взглянул на спокойное лицо умирающего. Оно не было помечено печатью смерти или болезни: правда, немного осунулось и побледнело, морщины залегли глубже, — но эта жизнь могла теплиться еще не одну неделю. Сэр Лямбда Мюню и сэр Омикрон Пи уже трижды ошибались, думал архидьякон, и ошибутся еще трижды. Старый епископ спал двадцать часов в сутки, но в краткие минуты пробуждения узнавал и сына, и своего старого друга мистера Хардинга, тестя архидьякона, и трогательно благодарил их за любовь и заботу. Теперь он спал, лежа на спине, как младенец; рот был чуть приоткрыт, редкие седые волосы выбились из-под колпака, дыхания не было слышно совсем, а худая рука, лежавшая на одеяле, ни разу не шевельнулась. Как легко расставался он с этим миром!

Но далеко не так легко было на душе того, кто сидел у его одра. Он знал, что этот случай не повто-

6   рится. Ему было уже за пятьдесят, а рассчитывать, что его друзья скоро вернутся к власти, не приходилось. К тому же никакой другой премьер-министр не захочет сделать доктора Грантли епископом. Он долго предавался этим тягостным размышлениям, а потом, взглянув на еще живое лицо, осмелился прямо спросить себя, не желает ли он отцу смерти?

Это заставило его опомниться: гордый, властный, суетный человек упал на колени рядом с кроватью и, взяв руку епископа в свои, начал горячо молиться о прощении своих грехов.

Он все еще прижимался лицом к простыням, когда дверь тихо отворилась и в комнату бесшумно вошел мистер Хардинг, дежуривший у постели больного почти столь же постоянно, как и архидьякон. В первую минуту мистер Хардинг хотел было опуститься на колени рядом со своим зятем, но раздумал, опасаясь, что архидьякон от неожиданности может вздрогнуть и потревожить умирающего. Впрочем, доктор Грантли его тотчас заметил и встал. Мистер Хардинг ласково пожал ему обе руки. Они вдруг стали ближе друг другу, чем когда-либо были прежде, а дальнейшие события во многом способствовали сохранению этой близости. У обоих по щекам текли слезы.

— Да благословит вас Бог, мои милые, — слабым голосом сказал проснувшийся епископ. — Да благословит вас Бог, милые дети...

И умер.

В горле у него не раздался мучительный хрип — смерть пришла незаметно, только нижняя челюсть чуть-чуть отвисла да глаза не сомкнулись, как прежде, в тихом сне. Мистер Хардинг и доктор Грантли не сразу поняли, что дух покинул тело, хотя эта мысль пришла в голову им обоим.

— Кажется, все кончено, — сказал мистер Хардинг, не выпуская руки архидьякона. — Думаю... надеюсь, что это так.

— Я позвоню, — шепотом ответил тот. — Надо позвать миссис Филлипс.

Сиделка миссис Филлипс вошла в спальню и тут же опытной рукой закрыла стекленеющие глаза.

— Все кончено, миссис Филлипс? — спросил мистер Хардинг.

— Милорд отошел, — ответила сиделка, торжественно склонив голову. — Его преосвященство упокоилось, как младенец.

— Надо радоваться этому, архидьякон, — сказал мистер Хардинг. — Да, да. Такой превосходный, такой добрый человек! Будет ли нам ниспослана столь же мирная и спокойная кончина?

— Вот-вот, — вставила сиделка. — Да будет воля Божья, а такого кроткого, смиренного христианина, как его преосвященство... — И она с непритворной грустью утерла глаза белым передником.

— Не надо печалиться, — сказал мистер Хардинг, все еще утешая своего друга. Однако мысли архидьякона уже перенеслись из обители смерти в кабинет премьер-министра. Он молился о продлении жизни своего отца, но раз эта жизнь оборвалась, терять драгоценные минуты было незачем. Какой смысл размышлять о смерти епископа, какой смысл предаваться бесполезным сетованиям, быть может, утрачивая из-за этого все?

Но как начать действовать, если тесть стоит и держит его за руку? Как, не показавшись бессердечным, забыть в епископе отца — и думать не о том, что он потерял, а о том, что может приобрести?

— Да-да, — ответил он наконец мистеру Хардингу. — Мы все давно примирились с этой мыслью.

Мистер Хардинг взял его за локоть и вывел из спальни.

8 — Мы увидим его завтра утром, а пока предоставим все женщинам, — сказал он, и они спустились вниз.

Уже смеркалось, а премьер-министру следовало в этот же вечер узнать, что епархия вакантна. Это могло решить все, и потому в ответ на новые утешения мистера Хардинга архидьякон заметил, что следует немедленно отправить в Лондон телеграфную депешу. Мистер Хардинг, и так уже несколько удивленный таким неожиданным горем доктора Грантли, теперь совсем опешил, но ничего не возразил. Он знал, что архидьякон надеялся стать преемником отца, но ему не было известно, какое подтверждение получили эти надежды.

— Да, — сказал доктор Грантли, справившись с минутной слабостью. — Депешу надо послать тотчас. Мы не знаем, каковы могут быть последствия промедления. Не сделаете ли этого вы?

— Я? Да, разумеется. Я буду рад помочь, но не совсем понимаю, что именно вам нужно.

Архидьякон сел к бюро и написал на листке бумаги:

«Электрическим телеграфом.

Графу N, Даунинг-стрит или в любом другом месте.

Епископ Барчестерский скончался.

Депешу отправил преподобный Септимий Хардинг».

— Вот, — сказал он. — Отнесите это на станционный телеграф. Возможно, они попросят вас переписать депешу на форменный бланк. И больше от вас ничего не потребуется. Да, нужно еще будет заплатить полкроны. — Пошарив в кармане, архидьякон достал названную монету.

Мистер Хардинг почувствовал себя рассыльным и невольно подумал, что обязанность эту на него

возложили в не слишком подходящее время, 9
однако промолчал и взял листок и деньги.

— Но вы поставили в депеше мое имя, архидьякон?

— Да. Она должна быть подписана духовной особой, а кто больше подходит для этого, чем вы, старейший друг покойного? Впрочем, граф не станет смотреть на подпись... поторопитесь, дорогой мистер Хардинг!

Мистер Хардинг на пути к станции достиг уже двери библиотеки, как вдруг вспомнил, с каким известием входил в спальню бедного епископа. Но та минута показалась ему слишком торжественной и неподходящей для суетных новостей, а потом они на время и вовсе изгладилась из его памяти.

— Ах да, архидьякон, — сказал он, обернувшись. — Я ведь забыл сообщить вам, что кабинет пал.

— Пал? — воскликнул архидьякон, не сумев скрыть своего отчаяния и растерянности, хотя и попытался тотчас взять себя в руки. — Пал? Откуда вы это узнали?

Мистер Хардинг объяснил, что об этом сообщили по телеграфу, а ему сказал мистер Чедуик, с которым он встретился у дверей дворца.

Архидьякон задумался, и мистер Хардинг молча ждал.

— Ничего, — сказал наконец архидьякон. — Депешу все-таки пошлите. Кого-то надо известить об этом, а пока нет другого, кому можно было бы адресовать депешу. Поспешите, дорогой друг. Вы знаете, я не стал бы затруднять вас, если бы был в силах сделать это сам. А несколько минут могут изменить многое.

Мистер Хардинг ушел и отправил депешу; нам, пожалуй, стоит проследить за ее судьбой. Через тридцать минут она была подана графу N в его библио-

10   теке. Какие вдохновенные письма, красноречивые призывы, негодующие протесты мог он обдумывать в подобную минуту — это можно вообразить, но не описать! Как он готовил громы против своих победивших соперников, стоя спиной к камину и заложив руки в карманы в позе, достойной английского пэра, как лоб его пылал гневом, а глаза метали молнии патриотизма, как он топнул ногой при мысли о своих неповоротливых помощниках, как он чуть было не разразился проклятиями, вспомнив чрезмерную самоуверенность одного из них, — пусть все это нарисует пылкая фантазия моих читателей. Но было ли это? История и истина вынуждают меня ответить: «Нет!» Он удобно сидел в покойном кресле, проглядывая программу ньюмаркетских скачек, а рядом на столике лежал открытый, но еще не разрезанный французский роман.

Он вскрыл депешу, прочел ее, написал на обороте конверта: «Графу NN с поклоном от графа N» — и отослал дальше.

Так епископский сан ускользнул от нашего злополучного друга.

Газеты наперебой указывали, кто будет новым барчестерским епископом. «Британская бабушка» объявила, что из уважения к прошлому кабинету епархию получит доктор Гвинн. Для доктора Грантли это было тяжким ударом, но судьба его пощадила: предназначавшийся ему сан не был отдан его другу. «Благочестивый англиканец» отстаивал права прославленного лондонского проповедника, защитника самых строгих доктрин, а «Западное полушарие», вечерняя газета, слывшая весьма осведомленной, называла почтенного натуралиста, чрезвычайно эрудированного во всем, что касалось горных пород и минералов, но, по мнению многих, совершенно не осведомленного в тонкостях богословских доктрин.

«Юпитер» — как нам всем известно, единственный источник абсолютно достоверной информации по всем вопросам — нарушил молчание не сразу. Затем, обсудив достоинства всех вышеупомянутых кандидатов и без особой почтительности сбросив их со счетов, «Юпитер» объявил, что епископом будет доктор Прауди.

И епископом стал доктор Прауди. Ровно через месяц после кончины преосвященного Грантли доктор Прауди поцеловал руку королевы в качестве его преемника.

Мы просим разрешения не приподнимать завесы над терзаниями архидьякона, угрюмо и печально сидевшего в кабинете своего дома в Пламстеде. На другой день после отсылки депеши он узнал, что граф NN дал согласие сформировать кабинет, и понял, что у него нет больше никаких надежд. Многие, конечно, осудят его за то, что горевал из-за потери епископской власти, за то, что желал ее — нет, даже думал о ней, да еще в такое время.

Признаюсь, я не разделяю этого осуждения. *Nolo episcopatum*^{*}, хотя еще и в ходу, настолько противоречит всем естественным человеческим устремлениям, что не может отражать истинных взглядов англиканских священников, восходящих по иерархической лестнице. Юристу не грех желать судейского сана и добиваться его всеми честными способами. Честолюбие молодого дипломата, мечтающего стать послом, похвально, а бедный романист, стремясь сравняться с Диккенсом и стать выше Фитцджимса, не совершает ничего дурного, хотя, быть может, он и глуп. Сидней Смит^{**1} справедливо говорил, что

^{*} Не хочу быть епископом (*лат.*).

^{**} Здесь и далее примечания, отмеченные цифрами, см. в конце книги.

12 в наши дни малодушия от младшего священника трудно ждать величия святого Павла. Если мы будем требовать от наших священников нечеловеческой добродетели, то научимся только презирать их и вряд ли сделаем чище духом, отнимая у них право на обыкновенные человеческие надежды.

Наш архидьякон был суетен — а кто из нас не суетен? Он был честолюбив — а кто из нас устыдится признаться в этом «последнем недуге благородных умов»?² Он был алчен, скажут мои читатели. Нет — он хотел стать епископом Барчестера не из любви к презренному металлу. Он был единственным сыном и унаследовал все богатство отца. Его бенефиций приносил ему в год почти три тысячи фунтов, а епископы после реформ Церковной комиссии получали только пять. Как архидьякон он был богаче епископа, но хотел играть первую скрипку, заседать в палате лордов и (говоря откровенно) чтобы преподобные братья называли его милордом.

Однако были его желания греховными или нет, они не осуществились. Епископом Барчестера стал доктор Прауди.

Глава II

ХАЙРЕМСКАЯ БОГАДЕЛЬНЯ ПОСЛЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО АКТА

Вряд ли стоит подробно рассказывать здесь историю жизни мистера Хардинга до начала этого повествования. Публика еще помнит, как тяжело подействовали на этого щепетильнейшего человека нападки «Юпитера» по поводу содержания, которое он получал как зритель Хайремской богадельни города Барчестера. Не забыла она и иска, который

в этой связи был вчинен ему по настоянию мистера Джона Болда, женившегося потом на его младшей дочери. Не выдержав этих нападков, мистер Хардинг, вопреки настойчивым советам друзей и своего поверенного, отказался от должности смотрителя и остался лишь священником маленького городского прихода Св. Катберта, а также регентом собора — благодаря завещанию Хайрема жалованье регента прежде представляло собой лишь скромное дополнение к содержанию смотрителя вышеупомянутой богадельни.

Покинув богадельню, из которой он был так безжалостно изгнан, и поселившись в скромной квартире на Хай-стрит, мистер Хардинг вовсе не ждал, что кто-нибудь поднимет из-за этого шум, которого он сам вовсе не хотел поднимать, и рассчитывал лишь на то, что это предотвратит появление новых статей в «Юпитере». Но ему не был дарован желанный покой, и люди теперь так же охотно восхваляли его бескорыстие, как прежде порицали алчность.

В довершение всего он получил собственноручное письмо архиепископа Кентерберийского, в котором примас англиканской церкви горячо одобрял его поступок и выражал желание узнать, каковы его дальнейшие намерения. Мистер Хардинг ответил, что намерен остаться священником барчестерской церкви Св. Катберта, на чем дело и кончилось. Затем за него взялись газеты, в том числе и «Юпитер», и хвалы ему можно было прочесть во всех читальных залах страны. Тут выяснилось, что он тот Хардинг, которому принадлежит замечательный труд «Церковная музыка», и поговаривали даже о новом издании, которое, впрочем, так и не вышло. Однако его труд был приобретен придворной церковью, а в «Музыкальном обозревателе» появилась длинная статья, утверждавшая, что никогда еще церковной музыке

14 не посвящалось исследования, в котором такая научная скрупулезность сочеталась бы с подобным музыкальным талантом, а посему имя Хардинга будет вечно жить там, где ценят Искусство и почитают Религию.

Не стану отрицать, что мистеру Хардингу польстила столь высокая хвала: музыка, несомненно, была его слабостью, — но на этом все и кончилось. Второе издание не появилось, экземпляры придворной церкви упокоились с миром среди груд подобной же литературы. Мистер Тауэрс из «Юпитера» и его коллеги занялись другими именами, и наш друг мог отныне надеяться лишь на посмертную славу.

Мистер Хардинг проводил много времени у своего друга епископа и у своей дочери миссис Болд, увы, уже овдовевшей, и почти ежедневно навещал прежних своих подопечных. Из них теперь в живых оставалось лишь шестеро. Хайрем же завещал постоянно содержать в богадельне двенадцать человек. Но после отречения смотрителя епископ не назначил ему преемника, и принимать новых пансионеров было некому; казалось, что барчестерской богадельне суждено захиреть, если только власти предержавшие не примут мер.

Но власти предержавшие вот уже пять лет как не забывали барчестерской богадельни: ею занимались многие политические мужи. Вскоре после ухода мистера Хардинга «Юпитер» объяснил, что следует делать. Уложившись в полстолбца, он распределил доходы, перестроил дом, прекратил свары, восстановил добрые чувства, обеспечил мистера Хардинга и поставил дело так, что все могли быть довольны — и город, и епископ, и страна в целом. Мудрость этого плана подтверждали письма, полученные «Юпитером» от «Здравого смысла», «Истины» и «Справедливца» — все полные восхищения и дельных добавле-

ний. Примечательно, что писем с протестами в газете не появилось — следовательно, она их и не получала. 15

Но Кассандре не верили: и даже мудрость «Юпитера» иной раз пропадает втуне. На страницах «Юпитера» других планов предложено не было, однако в иных местах преобразователи церковной благотворительности усердно объясняли, как именно они поставили бы на ноги Хайремскую богадельню. Некий ученый епископ при случае упомянул о ней в палате лордов, дав понять, что сносился по этому вопросу со своим преосвященным барчестерским собратом. В палате общий радикальный представитель от местечка Стейлбридж предложил передать хайремский фонд на просвещение сельских бедняков и развлек достопочтенное собрание примерами суеверий и странных обычаев вышеупомянутых бедняков. Некий памфлетист издал брошюрку под заглавием «Кто наследники Джона Хайрема?» с точным рецептом, как именно следует управлять подобными заведениями, и, наконец, член правительства обещал внести на следующей сессии коротенький билль, который определит положение барчестерской богадельни и прочих таких же заведений.

И на следующей сессии билль, вопреки всем прецедентам, был внесен. Страну тогда занимало другое. Над ней нависла угроза большой войны, и вопрос о наследниках Хайрема не интересовал ни парламент, ни публику. Билль, однако, прошел и первое чтение, и второе, и остальные одиннадцать этапов, не вызвав никаких разногласий. Что сказал бы Джон Хайрем, знай он, что сорок пять достопочтенных джентльменов утверждают закон, меняющий весь смысл его завещания, даже не вполне понимая, о чем, собственно, идет речь? Будем надеяться, что это понимал товарищ министра внутренних дел, который занимался биллем.